

Александр Волынцев
Маргарита Ерёменко
Евгения Изварина
Наталья Косолапова
Дмитрий Машарыгин
Александр Петрушкин
Наталья Черных
Александр Шубин

РУССКАЯ ОЗЁРНАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

кыштым - озёрск - касли

ПРОЕКТ «ГЕОЛОГИЯ»
книга 1

www.promegalit.ru

**РУССКАЯ
ОЗЁРНАЯ
ПОЭТИЧЕСКАЯ
ШКОЛА**

УДК 82-1 (Рус)
ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5
А72

Редактор-составитель
Александр Александрович Петрушкин

Антология Русской Озёрной поэтической школы - сер.
«Геология», Книга 1 - Евразийский журнальный портал «МЕ-
ГАЛИТ» - Кыштым, 2016 г. - 144 с.

УДК 82-1 (Рус)
ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5
А72

ISBN 5-87039-193-22

© Александр Волынцев, стихотворения, 2016
© Маргарита Ерёменко, стихотворения, 2016
© Евгения Изварина, стихотворения, 2016
© Наталья Косолапова, стихотворения, 2016
© Дмитрий Машарыгин, стихотворения, 2016
© Наталья Черных, стихотворения, 2016
© Александр Шубин, стихотворения, 2016
© Александр Петрушкин, стихотворения, составление, дизайн, верстка, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

александр петрушкин
НЕСКОЛЬКО НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ФРАЗ
О РУССКОЙ ОЗЁРНОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

/5/

АЛЕКСАНДР ВОЛЫНЦЕВ

/11/

МАРГАРИТА ЕРЁМЕНКО

/21/

ЕВГЕНИЯ ИЗВАРИНА

/35/

НАТАЛЬЯ КОСОЛАПОВА

/53/

ДМИТРИЙ МАШАРЫГИН

/73/

АЛЕКСАНДР ПЕТРУШКИН

/93/

НАТАЛИЯ ЧЕРНЫХ

/115/

АЛЕКСАНДР ШУБИН

/129/

наталья черных
ОЗЁРНАЯ (*ОЗЁРСКАЯ) ШКОЛА ПОЭЗИИ

Несколько замечаний к названию

/ 41/

НЕСКОЛЬКО НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ФРАЗ О РУССКОЙ ОЗЁРНОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

В период с 1968 по 2007 год, то есть в рамках одного поколения, на берегах озера Иртяш проживали практически одновременно 7 поэтов, о которых имеет смысл говорить – не оглядываясь на мнимый провинциальный регион бытования. Перечислим авторов в порядке появления на свет: Наталия Черных (Озерск, ныне – Москва), Евгения Изварина (Озерск, ныне – Екатеринбург), Александр Петрушкин (Озерск, Кыштым), Наталия Косолапова (Кыштым), Маргарита Еременко (Касли), Дмитрий Машарыгин (Озерск, ныне Челябинск). Впервые термин «озерная поэтическая школа» был озвучен в частной беседе с Сергеем Слепухиным в 2013 году и долгое время пылился в бесхозном состоянии где-то на задворках памяти. Безусловно, наименование этой группы – озерной школой поэзии крайне условно, но при внимательном взгляде на стихи каждого из авторов м. заметить, определенные общие характеристики, не исключая, что эта общность в чем-то обусловлена и общим геотопосом для каждого из персонажей – по крайней мере на каком-то этапе их жизни. Замечу также, что принадлежность авторов к русскому варианту озерной школы определяема не их согласием – так же, как это было и с ее английским предшественником. Что еще следует сказать о поэтической общности поэтов, проживавших некоторое время в районе иртяш-

ского полумесяца? Это определенный консерватизм в форме, то есть использование почти исключительно механизмов регулярного стиха (за исключением произведений Наталии Косолаповой), а также наследование традиций второй литературы периода 80-х годов прошлого века, в парадигме метаметафористов. Тут имеет смысл отметить, что, пожалуй только на Урале линия метареалистов получила возможность своего продолжения и, несмотря на активные попытки (которые продолжаются и по сей день) привить московскую концептуалистскую линию а-ля Пригов и Ко, продолжает наследовать Жданову, Парщикову, Кальпиди etc.

Вообще же, конечно, если бы я обозначал основные признаки русской озерной школы – то обозначил бы такие точки вектора – консерватизм, православие, попытка взгляда через слово на изнанку бытия, на скрытые механизмы, которые двигают мир к его «поражению» (в христианской трактовке этого термина).

Русская озерная школа поэзии – общность поэтов, проживающих или проживавших в городах, расположенных на побережье озера Иртяш (города Кыштым, Озерск, Касли) в период с 1968 по 2015 год. Традиционно к школе причисляются следующие поэты:

Наталия Черных (Озерск, ныне – Москва), **Евгения Изварина** (Озерск, ныне – Екатеринбург), **Александр Петрушкин** (Озерск, Кыштым), **Наталия Косолапова** (Кыштым), **Маргарита Еременко** (Касли), **Дмитрий Машарыгин** (Озерск, ныне Челябинск).

Принадлежность к школе не определяется в рамках ученической преемственности (за исключением пары Александр Петрушкин – Дмитрий Машарыгин, где некоторые признаки ученичества присутствуют) Для данной школы характерны следующие общие черты:

1) консерватизм в формальной стороне стихосложения, то есть использование почти исключительно механизмов регулярного стиха (за исключением произведений Наталии Косолаповой)

2) наследование традиций второй литературы периода 80-х годов прошлого века, в парадигме метаметафористов. Тут имеет смысл отметить, что, пожалуй только на Урале линия метареалистов получила возможность своего продолжения и, несмотря на активные попытки (которые вполне успешно продолжаются и по сей день) привить на почве Урала московскую концептуалистскую линию а-ля Пригов и Ко.

3) Религиозное восприятие мира, в парадигме православной ветви Христианства – у одних из авторов более, у других менее. В связи с этим поэзию представителей русской озерной школы м. бесспорно рассматривать, как православную (духовную) поэзию.

4) Также я бы заострил внимание на особой технике поэзии, когда поэт пытается заглянуть на обратную сторону бытия, через тривиальные события, которые в осознанном или неосознанном понимании участников школы есть те прорехи в «матрице» через которые виден и собственно демиург нашего бытия, то есть можно сказать, что именно в поэтах данной по-

этической когорты – метафизическая поэзия получила продолжение на Урале. Так это или нет покажет, конечно, только время.

PS: при этом я бы заметил, что одновременное (то есть в рамках одного поколения) появление такого количества достойных прочтения поэтов, связанных с регионом «провинции в провинции», общее население которого не превышает 150 тысяч человек, вызывает справедливое суждение о существовании некоторого феномена, на который стоило бы обратить внимание филологам и литературоведам – если не сейчас, то несколько позднее.

АП, 15/03/2016

*Важное замечание! В рамках работы над этой книгой осуществлён безусловный произвол составителя и – к перечисленным выше «классическим» авторам Русской Озёрной поэтической школы добавлены ещё два поэта, присутствующие в рамках означенного географического и хронологического треугольника – **Александр Волынцев и Александр Шубин**, чьё присутствие на страницах антологии придаст [на мой взгляд] большую объемность и чёткость при фиксации локального литературного пейзажа, в той её части, что принадлежит поэзии, а не кружкам кройки и шитья.*

**Александр Волынцев
(Озёрск)**

Родился 9 февраля 1967 году в городе Озёрск. Учился в Ленинградском кораблестроительном институте, служил в Советской армии, после увольнения в запас освоил профессии бетонщика, водителя трамвая, стрелочника в трамвайном парке, газоэлектросварщика, пионервожатого. Окончил филологический факультет Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена, вернулся в Озёрск, работал корреспондентом газет «Озёрский вестник», «Единый Озёрск», телестудии ПТО «Видеоканал», МУП ОТРК «Иртяш», возглавлял отдел по связям с общественностью ЦГиЭ №71 ФМБА России. В настоящее время корреспондент интернет-портала www.ozersk74.ru. В 1997 году принят в Союз журналистов России.

ПОКЛОН БОРИСУ ПАСТЕРНАКУ

Февраль обрыдался, доставши чернила.
С весной затерялся паршивец курьер.
На кладбище старом разрыта могила,
Но медлит с расстрелом палач-изувер.

Трамвайные вены разносят, наверно,
Навеки застывшую массу рабов.
Вокзальные шлюхи, умытые спермой,
Спешат в институты промывки мозгов.

Зима рассыпает алмазные крошки...
Да чтоб тебя в душу! Паскуда курьер...
Но Пушкин всё просит моченой морошки...
И едет Есенин. В декабрь. В «Англетер».

«КУРСК». ДВЕНАДЦАТОЕ

Чайка стонет над волной —
Тяжела ее молитва
Об отпущенных войной
К Богу прямо с поля битвы.

Август, бархатный сезон —
Не для мурманской сторожки.
Наступает горизонт,
Солнца выдавив ладошку.

Материнская слеза
Омывает мир, как море.
Чайка плачет, что нельзя
В мире этом смерть оспорить.

Возвращая в небеса
Души без забот дальнейших,
По Руси, через леса,
Горе Баренцево плещет...

* * *

Выплыл Праздник на проспект,
веселится люто.
Пятьдесят победных лет
увенчаны салютом...

...Плачет дед над стопкою:
юность поминает.
Занюхивает коркою
да снова наливает
«об огнях-пожарищах»,
что и нынче снятся,
«о друзьях-товарищах»,
что не возвратятся,
о надеждах, пущенных
в небо Синей Птицей —
над письмом, полученным
утром из столицы...
Строчки-то вонзаются
в душу, как занозы,
буквы расползаются
про какой-то «Грозный»...

...Кот играет пробкою,
дурака валяет...
Плачет дед над стопкою:
внука поминает.

ЭПОХА ПОСЛЕ, ИЛИ ВСТРЕЧА НА НЕВСКОМ

Полноте... Полноте. Полноте!
Губки бантиком, брови домиком —
Сделали вид, что не помните
Меня, переулок, дворника,
Фонарь покосившийся газовый
(Замененный на новый — неоновый),
Фокусника из Глазова,
Торгующего батонами;
Векселя, канарейку на люстре,
Кактус в соседской комнате,
Взгляд комиссара шустрый...

Ну, полноте! Полноте. Полноте...

Что сказать Вам? Да все по-прежнему:
Кто-то служит, а кто-то спит.
Где-то тают вершины снежные...
Блок забыт. Появился СПИД.

ПЛАЦКАРТНОЕ

М. Ходорковскому

Стучат колеса, несут в столицу.
В дерьмо из грязи.
В плацкартных царствах мелькают лица
Спешащих в князи.

Летит окурок на полустанок —
Нет остановки.
Нутро пустеет консервных банок
И поллитровки.

Страна натужно спешит в столицу,
Да влезут все ли?
Как много строчек в чужих страницах
В бомжах осели...

Скрипит, качаясь, над ржавой клеткой
Слепой фонарик.
Финал типичный, не очень редкий:
Сиди, очкарик...

ПЕТЕРБУРГ — 2000

-I-

Твой город вспорот штопором метро
сквозь острова и речек многоречье,
где сотни лет не может конь петров
копыта опустить на головы беспечных
зевак, из-за окна, пробитого Петром,
прибывших поглазеть на столп Александрийский,
на Эрмитаж, медведей, а потом
с матрешкой в багаже исчезнуть по-английски,
по-русски обругав погоду и жилье...
Не может конь. Как, впрочем, Петербург
не может враз переписать свое
лицо и суть, меняя имя вдруг.
Лицо и суть не связаны ничуть.
Ничем. Никак. «У нас теперь — свобода!»
И вот лицо желает отдохнуть
от сути, суеты и своего народа,
который в перистальтике метро
себя съедает за бульварным чтивом.
Пьет постовой на выходе ситро.
Шипит июль в зрачке неторопливом...

-II-

В этом городе, видимо, легче похмелье —
что вполне объясняет причину бомжей,
и поэтов приплод, что растет без дуэлей,
без цензурных репрессий и партийных ножей.
В этом городе ночь — продолжение утра,
что гремит у ларька жаждой сдачи посуд.
Голубеет вода, что твоя «Гомосутра»,
а мосты из нее выжимают мазут.
И стоит круглый год шепотной человек,
перед входом в музей разбросав свою тень:
он здесь — иногородний, как лимитчик-паркетчик,
инородный, как совесть и привычный, как пень.
Ни царей, ни метелей... На Черную речку
громяхают трамваи и свозит метро.
И толпе, похотливо скупающей гречку,
угрожает копытом коняшка петров...

-III-

Не возмущайся, брат,
что пристрелен, а не распят.
Вероятно, не заслужил —
жил не так, не о том тужил.
Впрочем это еще не факт,
что ты Пушкину сводный сват.
Речка Черная. Белый снег.
Киллер свой отработал обед.
Таял март — говорили «весна».
И летела в Неву блесна
и, купившись на блеск и звук,
косяками гибли от рук
рыбарей человеческих душ,
да не тех, что Библейский Муж
посылал заводить невода,
а напротив. Вот в чем беда...
Возмущался город, но жил, —
плёл петлю из собственных жил,
получая не без причин
криминальной столицы чин...

И, замедлив медный бросок,
зеленея патиной в срок,
два копыта — наискосок —
метят тени Петра в висок.

Маргарита Еременко
(Касли)

Родилась 3 августа 1982 г. в городе Минусинске Красноярского края. Окончила факультет журналистики и аспирантуру Уральского государственного университета, кандидат филологических наук. Публиковалась в журналах «Урал», «Транзит-Урал», «День и Ночь», «Уральский следопыт», «Берега», «Новый ковчег», «Новый век», «11:33»; в электронных журналах «Новая реальность», «Полутона», «Зинзивер». Автор книг стихов «Pi-» (2005), «Дуэт и соло» (2006). Лауреат Всероссийской литературной премии имени К. Нефедьева (2003), премий областных и региональных фестивалей «Уральская лира» (2004), «Свезар» (2004), региональных Каслинских поэтических чтений (2009). Участница литературного клуба «Подводная лодка» (Челябинск), поэтического семинара «Северная зона» (г. Кыштым). Организатор ежегодных Каслинских поэтических чтений, руководитель Литературного объединения г. Касли. Воспитывает трех детей. Живёт и работает в городе Касли Челябинской области.

где плыли днем два раскаленных тела
там ангел наш заучивает нить
горячих точек на бумаге белой
соединить

пытается проглатывать морозы
желтеющих деревьев простыни
иди сюда иди за мною в воду
иди

смотри в круги кончается не время
и не любви запутанная речь
а просто воздух сбит в гортани белой
вдруг забывает течь.

А на поверку вышло – только ты
К нему идешь в непроходимых снах,
Соединяешь стрелки пустоты
В настенных механических часах.

И говоришь: не бойся, заживет,
Хотя, казалось бы, чему болеть?
Но медлит нержавеющий завод,
Вращаясь на ржавеющей игле.

И тянешь руки в зябкое тепло,
И хочешь профиль взглядом пересечь,
Хватаешь воздух пересохшим ртом
И ощущаешь речь.

Помни о том, что женщина – моногамное существо
(что, собственно, важно, касаясь этой истории,
в которой намешано, Бог знает, сколько всего.
Что радует – больше практики, чем теории).

Выходит, порядка восьми каких-то там лет,
Мы помним друг друга на тысячном расстоянии,
И, кажется, длительной паузы словно и нет,
А мы пребываем все в том же (почти) состоянии,

Когда забываешь дышать, и не выдохнуть слова в ответ,
И непонятно, где сердце, и спать невозможно пять месяцев
От ощущения чуда – ты вот он, в моей голове,
А с вами сейчас говорит моногамная женщина.

...и это все: звенящий колкий воздух,
несмелых листьев плавный поворот,
в ту сторону, где сплывающая вода,
из губ тончайший сладкий пар идет,

и замирает у лица, касаясь
лица неровность повторяя вновь
горячей кожи и уже не тая
ложится снег на плечи как любовь.

И ты огнем последней сигареты
вдруг осветишь осенний этот лес,
и скажешь: Господи, я думал, песня спета,
а все осталось здесь.

* * *

Прогретые солнцем луга,
И, солнцем твоим прогревая,
Легка, совершенно легка,
И неразлично — где ты и я.

Ещё не разлиты водой,
Раскрыты и вместе сложены,
Листвой говорю, листвой,
И паузы невозможны, и...

И руки, и голова,
И небо, и облако белое —
Листва, говорю, листва,
И тело твоё загорелое.

* * *

Тишина студёная
да покои царские —
как ладонь калёная
и глаза татарские.

Утро занимается —
страстью или старостью,
первою красавицей
иль последней радостью?

Семечки да зёрнышки
нежностью пропитаны —
то любовь озёрская,
города закрытые.

* * *

И дерево растёт как дерево — вовне.
И крошится на стол то снег, а то посуда.
И речь лежит не в плоскости на дне
в досужих пересудах,
а там, где нет её. И это вещество —
всё золотая взвесь рассыпанных предлогов,
и выдохи мои, и вдохи твоих снов —
искрится на губах и падает недолго,

как снег и как дожди. И запаха января —
дыхание двоих — друг друга повторяя —
на выдохе и вдохе говоря.

* * *

...И я представляю, как это будет весной:
я буду бежать в твой каменный дом по аллее.
Деревья, проталины, небо — в салфетке из веток резной,
и солнце в крови — с каждым шагом всё выше, сильнее.

Проталинки талии — вся в твоих сильных руках,
и поцелуи, как бабочки, кружат меж тенью и светом,
слезинки с ресниц упадут, словно стрелки в часах...
И я уезжаю. До завтра. А завтра — лето.

* * *

Любовь моя тоже
Словно мороз по коже.
Будь со мной, если можешь,
Строже.
Счастье моё рыбачье —
Не говорит, не плачет,
В долг не берёт, не даёт сдачи.
Живёт, значит.

В дому или на вечерне,
Стираешь ты или чертишь,
За полчаса до смерти
Свет ты мой невечерний
Заметишь.

* * *

Ты раздвигаешь тёплыми руками
Тугую вату сна и напряженья,
Ты освещаешь солнца угольками
Пустое утро, комнату. И где я
Хожу бессмысленно, перебирая годы,
Там у тебя живут просторно реки,
Ты научился у самой природы
Искать дороги...

А Бог седой, склоняясь над письменами,
Ушедший с головой в ветра-цунами,
Он всех зовёт простыми именами,
Благословляя и людей, и камни.

* * *

Грозowymi плечами
головою моей
параллели ночами
голоса сыновей

за словами местами
не/вода у ручья
семь дорог или камень
три сосны два ключа

синеокая птица
ёж котенок и Бог
это всё что стучится
возле маминых ног

умираю поскольку
не земля не земля
небо может и птица
и наверное я.

* * *

Километры ржавой крошки
Испаряются и тают.
Говоришь — промокли ножки,
Смотришь — ангелы летают.

Бессловесные, незлые,
Чем-то на котят похожи.
А глаза-то — голубые,
А мороз-то — всё по коже.

* * *

Я буду марки покупать в киоске,
Пластмассовые синие монеты...
Уже сентябрь срезает листья плоско,
Под снегом спят задумчивые дети,

Растёт трава, перебирая годы,
Идут дожди, пронизывая веки.
Ты носишь мне кефир и бутерброды.
Навеки.

* * *

Ни снега, ни воды не надо.
Осипшим яблоком в пустом саду -
в протянутой руке посреди сада

удержишь на весу, как на беду.
И солнце, закатившись на ладони,
слезами растопляя тело льду...

На полуслове ты меня догонишь
в неярком свете к дому моему;
еще два шага – и уже не помнишь

звучанье твоих уст и полумглу,
и снег, и тьму на языках старинных,
где я тебя на свет переведу,

где я тебя на вдох переведу,
где я на жизнь тебя переведу,
на свой язык тебя переведу.
Недлинно.

* * *

Не успел и подумать — с языка сорвалось: «Малыш...»
Удивлённо взглянула: кого бы он так называл?
Это такой обычай — когда по ночам не спишь,
Думать о прошлом. Был и такой сериал.
Зыбкое счастье — прикосновенья ловить,
Словно малька золотого. И — крепко в руке зажать.
Это такой обычай — до холодка любить.
До холодка под сердцем. И — не сумеешь удержать.

* * *

Зацепились одной свечкою в лесу,
Только дождь всё прижимал нас к земле,
Чтобы под прикосновенья уснуть
И тихонько под ладонями тлеть.

И нанизывать любые слова
На кольцо соприкоснувшихся рук;
Чтобы дал Господь часок или два
Постоять с тобой на этом ветру.

* * *

... так обернувшись сглатываешь сушу
и на зубах песок

так время резко вывернет наружу
за локоток

так кромки медленно касаясь
береговой

ладонью прирастаешь к краю
и — над водой.

* * *

...Чудотворное оно дерево
Вот и растёт мается
Вот и болит верою
Вот и живёт кается

Листьями листьями ивами
Тонут плывут лебеди
Врастают в круги синие
Богом своим и деревом

Боком похожим на облако
На простыню белую
Словно стоишь около
И самолёт делаешь.

* * *

Как ложкой скребут по тарелке,
Так кошки скребут на душе.
Халаты, как белые белки,
На первом живут этаже.

Стеклоидно идут в коридоре,
И манную кашу несут,
И хочется сплунуть от горя
В оранжевый слабенький суп.

Тепла не дают батареи,
И лампочка тускло горит,
И ночью, и днём на аллее
Трёхцветная кошка сидит.

* * *

...и я не увижу когда
он тихо во мне развернётся
живая повеётся вода
как вскрикнет журавль у колодца

и скатится горе с плеча
в худую тоску запахнёшься
в сеньях опрокинешь печаль
о старый порог поперхнёшься

ах, вот тебе бог вот порог
дели коли угол под ними
и ясно взойдёт поперёк
и веки поднимет.

* * *

Нет, вовсе не беда, а косточки от вишен,
не тайна трех морей, а добрая рука;
длинноты февраля, промоченные крыши,
короткая строка

хлопочет целый день и бьется в телогрейке –
нелепая как смерть, любимая как дочь,
свободная уснуть на тлеющей скамейке,
как проклятая строч-

ка. Голос твой и гол...
Найтишайший голос.

Не говори – молчи, не сотвори, но верь.

Я верую, что мы – медовые, но пчелы,
закрытая, но дверь.

* * *

Стеной стоит вода -
погода/непогода -
снег движется туда,
где коромысло входа;

где я к тебе иду
по лаковому насту,
по липовому льду,
по ласковому счастью.

Воздушны снегири
и трепетно взлетают;
а мы всё говорим,
себя перебивая.

* * *

дочь моя плавает в твоей ванной
то кролем, то брассом, то карениной анной,
волны вздымаются, распластываются о стену,
волны пенные ей уже по колено.
волны вздымаются, в небо уносятся брызги,
кто-то чужой ей уже наливает виски,
кто-то другой берет ее, гладит, целует плечи,
кто-то с ней будет, и будет спать в этот вечер.

иглы мороза взрослеют, колются очень.
мыльная пена. дети и внуки. Осень.

* * *

Теперь и я должна ответить за заколоченные гвозди –
живешь и ни хрена не светишь,
а позже –

водой каленой разольешься, и без разрывов
родишь, как заново взорвешься...
И – живы.

Скажи, мне как их забивают? Короче...
Длинна ли исповедь у края?

Как хочешь...

Евгения Изварина
(Озерск, Екатеринбург)

Родилась 23 февраля 1967 г. в городе Челябинск-65 (ныне Озёрск) Челябинской области. Окончила Челябинский государственный институт культуры по специальности библиотекарь-библиограф. Работает журналистом в газете Уральского отделения РАН «Наука Урала». Автор вышедших в Екатеринбурге книг стихов «Сны о великом плавании» (1996), «По земному кругу» (1997), «Страны ночи» (1999, вместе с книгой О. Дозморова «Пробел»), «Пояс Ориона» (2004), «Голос и ветер» (2007), «Времени родник» (2010), «Дом для одной свечи» (2013). Стихи публиковались в журналах «Урал», «Знамя», «Новый мир», «Волга», «Север», «Звезда» и др., в сборниках и антологиях. Лауреат литературной премии им. Бажова (2011). Член Союза писателей России с 2000 года. Живёт в Екатеринбурге.

* * *

огонь высоких нот
ещё виток

на полный оборот
на коготок

землицы воробью
среди зимы

добавь огня огню
займи у тьмы

* * *

Луны стеклянный ножик,
соскальзывая в медь,
хотел бы, да не может
на память потемнеть –

так музыка за тактом
заведомо бела –
помалкивая, как там
у ангелов дела...

* * *

Господи
различие в голосах
Словом опроверг

васильки и небо на весах
обе чаши
вверх

* * *

тёмным ветром как литая
оловянно золотая

ты сама себе италия
вылетая и влетая

уж само собой без допуска
коли щели меж вещами есть

роста малого но запросто
в тёмный ветер превращаясь

* * *

Лёд хрустит в бегониях и петуньях,
нежность и печаль промерзают в лоск,
радуга размыкается на полынь и лунник,
жёлтый грифель и чёрный воск.

Слышат ли дожди, что зовёшь назад их?
В бывшем шелесте их – на котором уже кругу? –
смерть оборачивается на запах
кофе в густом снегу...

* * *

зима обживает берега
но воды летний изумруд

в такие дни ты просто река
тебя никак не зовут

спишь под шинелкой без петлиц
но кажется иногда

в тебе отражается больше птиц
чем может вместить вода

* * *

земля
чьи впроголодь утопии
на чёрном чёрные отточия
не удержавшая в потоке их
ни почвы ни корней ни прочего
легла песчаными заносами
на раны времени и климата
не то что в оны дни колёсами
ты и копытами покинута
теперь ни трепета ни топота
на кой сдались легко отделались
скажи что проклята а толку-то
ты есть
как ненависть

* * *

танец был особенный медляк
дальше уже рассвет был

как же так бормотал моряк
я плыл-плыл
я плёл-плёл им о нас с тобой
проводил идеал сквозь строй
медленный танец весь разговор
в кубрике сводил к одному
уступила обещанное кому
шёл по морю а словно спустился с гор

думал не пойму
прокляну

* * *

Снаружи это – безумие, но внутри –
просто тень. Рукавами её обнят,
легкомысленно, но и пристально, посмотри –
она и не дрогнет.

...Или – оно.

Он.

Они.

Всегда – на помине, и вот – на опыте:
с надеждой, или с ужасом обними –
ладони исчезнут,
потом – локти...

* * *

Александр Петрушкину

-1-

Светлый путь, прибавочный праздник
писан топором по колоде.

Светофор мигает и гаснет,
сам себя язык переводит –
на котором песенка спета,
арамейский бис разговорный...

И зачем вообще фора света
тем, кто переходит на чёрный?

-2-

... и на двух - как без ноги...
Почерк - почва под шаги:

если днём она - земля
в серых ямках костыля,

по ночам она - огонь
глубиной в одну ладонь

человека на протезе,
уронившего гармонию...

* * *

засыпаешь без снаряжения
в руки льются полынь и рута

на северо-запад их отражения
так вытянуты как будто

каштаны и клёны широколисты
друг друга снимают с дыбы

во сне из груди вылетают искры
проснёшься всплывают рыбы

* * *

...сидел у ног зимы и птички ставил
над маленьким безумным сводом правил

у врат исчезновения сидел
причём загородить собой не мог их

а птички к веренице душ и тел
слетали
и вычёркивали многих

* * *

...ты ходишь, чуть улыбаясь...
...ты плачешь, чуть задыхаясь...
Ещё одно у ребра есть
предназначение, каюсь -
вычеркнуть острым краем -
что там болит, скулит...

Я не Адам.
Я Каин -
пробуй снова, Лилит.

* * *

Приамурья свеча и Крыма,
мыла, олова, янтаря... –
степь да степь, поволока дыма,
волки, цепью стянув края,
провожают зрачками влажными
человеческий интерес –
от зенита полярной скважины
до девятого дна небес
судьба выбирает сети,
неразборчивое мыча,
кому ничего не светит –
за того и сгорит свеча...

* * *

...и твой к терпению предельному
засчитан будет первый шаг.

...и накренившемся дереву
метели гибель предрешат.

Сведёшь локтями оба полюса,
мол - развяжите, не сбегу...

- И музыка возьмёт из голоса
немного больше, чем судьбу.

* * *

наблюдатель в облаках
ходит с голубем в руках
сам слепой а птица видит

сигаретки в кулаках
часовые ремешки
стройплощадки
драмкружки

развороченные спины
вылетевших за флажки

* * *

Екатерине Симоновой

Воздух окрашен - слоями - под жемчуг и под орех.
потускнела дубовых крон прорезная жесть.
Наступает осень: плечи склоняются под сукно и мех,
лица запоминаются как есть,

руки задерживаются возле дверных скоб...

В полыни, струящейся, как дым,
лежит красное яблоко, и земля в ледниковый столб
промерзает под ним.

Словно в пестрое зеркало, в своё домашнее никогда -
ива глядится в опавшие листья, совсем пуста.

На краю поля стоит человек - как стоит вода
в желобке листа.

* * *

Каждый миг – самозванный бог,
сретенье всех дорог.

Остынь до рассвета,
отболи –
где переливы-ковыли,
расшитые жемчугами сплошь,
просыпаешься,

пробуешь –

хорош

пастуший хлеб на костре из книг...

Козырь везения – каждый миг.

ВТОРЖЕНИЕ

-1-

*Двенадцать часов по ночам городу –
ударами плавников рыбьих.*

Люди подают тебе хлеб и воду
через два меча, на двух крыльях
твою душу несут серебро и сода,
твою плоть, как потрёпанную карту,
раскладывает перед собой особа,
приближённая к мёртвому императору.

-2-

Под одну гребёнку, в подшивку общую -
блуждающие и разрывные письма счастья.

У подоспевшего к тебе с первой помощью
растрескиваются запястья.

Распускаются огнями святого Эльма
на отмычках времени, на отвёртках -
странные цветы.

...Какое-то время
их цена растёт как ногти мёртвых.

-3-

забывается окрикам вопреки
кто там и что сказал

время завирается
его вьюрки
вылетают из тропиков к полюсам

улыбки порванной в уголках
расплывается полынья

на стальных скамьях
на пустых руках
в зале ожидания огня

* * *

...вся она кавьяровая да яровая
непорчена
непочата
головой её в логовах играя
повизгивают волчата
грудью её вскормленные теснятся
в небе нетопыри перепёлочки на припёке
её чрево с последнего сеанса
(в анатомичке) выносят при слабом токе жизни
исчезающем
нитевидном
все её прибаутки о неповадном
полдник её пионерский ты помнишь на чай с повидлом
лагерный горн созывает великоват нам
ад
но сойдёт
поплывёт по чертёжным иглам
алая тушь на ватман
отмывая от волчьего человечье
кто же она вроде банщица говорила
пьяная крановщица в замоскворечье
девочка протянувшая сквозь перила
руку волку...

* * *

соль оскуделой
земли мелка

ничего не делай
дождись пока

пронзит остро
тряхнёт неистово

скажи просто
- *ныне и присно*

* * *

колокол сотканный тьмой и светом
(бан(ь)ка с ракетами и балетом)
сорок четвёртый рим

хочешь поговорить об этом
там и поговорим

куполом выплеснув наше время
вычеркнув падежи
(реверберацией говоренья)
за полусъеденные корни

- это не к нам
лежи

* * *

Полынь в приданое вода
берёт легко.

Бывай, Господь, смотри туда,
куда - никто.

Полынь и копать во плоти,
такая тишь...

Куда не хочется идти,
туда - летишь.

* * *

Бог жив, покуда неизвестен
пользователям пазла добра и зла.

По своим делам, по нашим лезвиям
время любит ходить, закрыв глаза
(как за цыганом ходят кони),
целовать как собака - сбивая с ног...

Сатана – след пламени на ладони.
Отпечаток ладони в огне – Бог.

* * *

Души между телами
тычутся как ценки.
Нищий принц надевает
крылатые башмаки:

негде ступить? – летай же:
за облачные поля
заваливается, а дальше –
пропадает земля,

то есть - молодость, то есть,
впереди – ни хрена,
только – холод и скорость,
сокровица и война,

ветра живое олово,
память (едва ль цела) –
много чего такого,
чему жизнь – не цена.

Лучше – единым духом,
долгим глотком хотя б:
отвлёкся, заснул – и рухнул...
А башмаки – летят.

* * *

...то по чужим (как по вагонам),
то по своим (как по могилам) -

по стольким снам... Но в горле комом -
тот, писанный водой по вилам,

где куст, как бы от сердца отнят,
дрожащим зеркалом восполнен -

сидит на корточках и смотрит
на время, вырванное с корнем...

Наталья Косолапова
(Кыштым)

Родилась 18 октября 1978 года в г. Кыштым. Публиковалась в журналах «Урал», «Крещатик», «Волга-21 век», «День и ночь», в Антологии современной уральской поэзии (том 3). Автор поэтического сборника «Узелки неслучайных совпадений» (2010). Автор проекта видеоархива «Фигуры речи». Участник поэтического семинара «Северная зона». Живёт в Кыштыме. Активный период творчества пришелся на 2006-2007 годы. О дальнейшей творческой деятельности составителю данной книги ничего неизвестно.

Кормила грудью во сне
ребенка. Хочешь?

Мое дыханье на конце
тонкой полоски
оборвалось.

Одна...

говорим с тобой
на одном языке –

птичьим.

каждый поет

свою песню.

не сжимай коленями
мои упреки

храни на жестком

удалим с вирусами

завяжи узлом
реку моей со-

ВЕСТИ
буду читать

за кадром
текст

написанный

не для меня

грудь болит
невыпитым молоком
сыто причмо-

кивает
клавиатура

удаляю из памяти
проект
нес**БЫВШЕГО**ся

сомнением разо-
бью мимо-
летное forever
скомкаю
стертые
декорации

знаю

я

для тебя
перевалочный пункт
временка
как и моя дочь,
которая никогда
не назовет тебя
папой

повесила в спальню
старинное зеркало

теперь
по вечерам кто-то
пытается
открыть дверь
с той
стороны

тихо шелестит течение
реки моей жизни

только тот, кто идет
одним руслом
знает

сколько омутов

in deep

в смурное утро
болезненного
перехода

буду искать
свое отражение
среди
завешенных зеркал

Устал.
Попробуй
шесть миллиардов лет
ждать
рождения
сына

Отлили маски, статуи,
сложили камни,
принесли огонь
на палочках,

ждут

каждый своего
Иуду.

за тяжелыми
портъерами
гомерического хо...
тихо умирает пере-
звон соленых капель

понимаю, что
«обслуживание абонента
временно...»

горе-
чь на корне языка –

петляла
по зарослям

твоего
прошлого

отгрызу кусочек
небо-
свода
пускай сквозь
озоновые дырочки
сочится
O O O O O
O O O O
O O O O
O O O
O O
O

выпей
половинку

моего
сна

ревную

чаще

ласкаешь
черные соски

клавиш

58

солону

покупаем
дешевый чай
с луком

заодно
по(о)каемся

горький
костлявый
поцелуй сквозь
зубы

последний

черная дырочка
в(ход/дох)а
сыто икает

много вкусных
звуков

отпечталось
на роговице
сего-
дня

59

Умеешь
взрывать
усталые
воздушные
шары?

твое сердце
прыгает

на мячике

моей
груди

не сжигаю
мостов

оставляю ни-

точку
каждому

путаются

взбиваю

каблучками

асфальт

в крутую пену

ледяные лепестки
тают

на голых плечах

новенький

в небесной
канцелярии

хищное счастье
выпустило
когти

готовится
освободить артерии

для
свежей
крови

каленный уголек
надежды

тебе бросаю

пасуешь

обреченно идем
на сближение
по водоразделу
лунной магистрали

пересечение
параллельных

ЗАПРЕЩЕНО

Евклидом

Что снится тебе,
двуликий,
распятому на изло-
манных
простынях
бесполой
ночи?

душа стучится
в закрытые
веки

занято

сомкнулись
челюсти

деревьев

сглотнули
тьму

рассыпаны
по подушке

*синие
горошины*

сновидений

собираю

некому срезать
мятники
испорченных
песочных
часов

разбивают время
узелками
неслучайных со-
впадений

Устроим
гонки

с препятствиями

по кромке
разбитого

стакана
с горячим
чаем?

утренняя
пробежка
мурашек
по мокрой
спине

встрепанные
крылья

волнующейся
вязи

намокшие
косы

падают на

O-zero

скажи РА-
зве

бывают
плакучие
березы?

тлеет твоё
отражение

**в моих
зрачках**

не раздуваю
угли

Дышу ворсинками
вовнутрь,

пульсирует упруго
тишина,

мурашки расползаются
по коже.

Жду
удара.

Забыли?

Говоришь,
две
точки
всегда можно
прострелить
прямой
речью?

играю с тенью
глупый
котенок
сломался
в полете

почему?

неповоротливые
толстые,

мысли

исторгаю
неуклюжая

вываливаются
из рта

поймать
не успеваю

ВХОД... ВЫХОД...
ВДОХ... ВЫДОХ
текут

по одним
рельсам
застывшей
ветки

Научишь летать?

завершился
ледниковый период

полураспада
а тома первого

глобальное
потепление

межкомнатной
температуры

проглотила кусочек
твоего
первого завтрака

дыма си-
гаретного

шершавым
языком
колокол
вылизывает
небо

осколки тени
в подол сметаю

* * *

-1-

котятя не умеющие мурлыкать
сбой программы
оставленной в спешке
на рабочем столе

**успел
сохраниться?**

-2-

опять забыла
дать имя

AUTOSAVE

есть в нашей игре?

Перезвон нитей дождя
по радуге

стрекозиной улыбки

вдыхаю.

Прозрачно

много точек
на подкладке э-(э-э-э...)-
того мира

над

і і і

І

одной

не

хватило

■ ■ ■

■

стрекочут спицы
черной лентой
сине...

по образу

и по...

дубль девятнадцать

не принят...

следующий

Дмитрий Машарьгин
(Озерск, Челябинск)

Родился 14 февраля 1986 году в городе Озёрске Челябинской области. Публиковался в журналах: «Урал», «Транзит-Урал», «Крещатик», «Новая Юность», «Знамя», «Волга-21 век», «Воздух», на сайте христианской поэзии «На середине мира», «Новые облака»; электронных журналах: «Новая реальность», «Полутона» («Звательный Падеж»), «АльтерНация». Автор книг стихотворений «Неотправленные письма Гоголя» /2007/, «Всё проще» /2015/. Лауреат 1-го фестиваля нестоличной поэзии им. Виктора Толокнова /2006/. Лонг-листер литературной премии «ЛитератураРентген». Шорт-лист литературной премии «Дебют» 2009. Обладатель Малой Премии «П» (2009). В 2008 году вошел в лонг-лист, а в 2009 году — в шорт-лист премии «Дебют». Участник поэтического семинара «Северная зона».

* * *

У.

некий клён в сумасшедшем тепле
колокольные люди как звон
раздаются среди тополей
выйди вон

и увидишь: по тьме круговой
ходит голый как по двору вор
и звезда каракатицей с ним
то ли поод руку то ли печник

облокачивается о печь
(это не колокольная мгла)
это просто какая-то вещь
это всё, чем ты молча жила

* * *

Холод холод деревья мои
мёрзнут липнут друг к другу второй
месяц грибные дожди
или третий — не помню какой

я бы сам не узнал тебя — ты
такая же — та же вода
с неба — те же на шеях кресты
словно бы человек перестать

хочет с мёртвыми говорить
ничего не выходит — я сам
проверял раза три
как Исая

* * *

и можно дышать и бежать
молчать во дворе в бедном теле
я как бы здесь умер на часть
я как бы ушёл во всё белое

господнее ремесло
о женщина ты непростима
за то, что бессмысленно всё
белое

тихо

как тихо!

* * *

склонись ко мне, закончи, согласись,
раскланиваясь выдворившим чудо,
положенным на смерть или на жизнь:
не всё ль равно, где кончатся — все — люди

нет — не об этом — плачь со мной, иным
спелёнутое мясо словно мужа
и не было. А было: всё, мясник,
ложись под нож, люби меня на всю жизнь

* * *

птицелов говорит:
это страшно и больно

старым телом вдоль поля
вдоль червлёной горы

на пчеле — как вода
о какое какое
небо внятное:

кожа

мясо

душа

* * *

дерево, дерево — чистый мир
сколько тебе дыхания
надо на то, чтобы я восьмым
шёл за девятым ангелом

мальчик мой. дерево на ветру
чьё-то существование
так невозможно, что мы в раю
плачем с десятым ангелом

* * *

пойдём пойдём с тобой
туда, где занавешен
я горлицей-тщетою
по небо как по шею

во сне — ты — на земле
и кто-то летний дивный
стремит как бы олень
полёт мой голубиный

* * *

Мой дерево мой гололёд
танцует пьёт танцует пьёт

мой дерево мой гололёд
танцует пьёт танцует пьёт

а мог бы что-нибудь забыть
простые вещи например
ключи от чьей-нибудь избы
стихи которые на смерть

остановись и просто пей
и просто пей мой хлебный квас
из четверых моих детей
которых не было у нас

* * *

Ты обращаешься на Ты
сияет дерево дорога
касается всего живого
целует в губы, в животы

в глаза, которые мои,
твои по смерть по самый локоть,
мой милый, чая тебя, бога
не страшно, не – остановить

* * *

ты стрижешь овец украдкой
да я счастлив — что с того
коза ходит коза гадит
шепчет дереву с травой
тихо-тихо тихо-тихо
мы умрём вот так с тобой
тише сердца — много тише
потому что это бог

* * *

женщина, которая в кино
белая как белое стекло
неопровержима, как балет
остального не было и нет

женщина стоит стоит и ждёт
столько лет, что сам ты идиот
что остановиться не могла
что не до кина не до кина

что не до кина — о том кино
это не соната до-ми-нор -
человек вываливает смерть
на других: не умирай — не смей

умирать в том фильме в кадре том
у тебя нет выбора, в другом
фильме ты бы умер, но не здесь
в этом кадре в этом тихом «где

ты милый, где ты милый, где?
это ты молчишь в немом кине
каждый раз, когда я слепну в нём
о тебе вся: милый мой, родной»...

* * *

ни грамма ни космоса лжи
соседи сидят на земле
ни до смерти хочется жить
но хочется: мясо и хлеб

разложены на столе
колхозница чай сидит пьёт
и смотрит на мясо и хлеб
и смотрит колхознику в рот

* * *

два сумасшедших в космосе одном
один — лепечет и другой — лепечет
- тыходишь в непрозрачный птичий дом
- ты слепишь
- ты стар
- ты молода
- увы увы
казалось бы все формы птичьей речи
обалдевают от ещё любви
- ещё любви
- ещё
- ещё
- конечно,
я умираю. я твой птичий дом.
я отрезаю голову по плечи
- я больше не ищу тебя в другом
мужчине, под которым
бог
я
женщина

* * *

умонастроенье голубей
что-то ближе чем простое небо
бабы плачут прямо — до небес
это сумасшествие линейно

боле боли нет. всё косность. всё
сгустки обнимаемых предплечий
в памяти — одно твоё лицо
и другое — и всё резче резче

сядем рядом: места хватит. в дом
войдём — калитку не закроем
выпьем чая выдворим людье
за пространство неба голубое

и так мысля мысля мысля так
все в соку за запахом воловьим
из подмышек... хватит перестань
я и так твоя и так по — локоть...

* * *

мобильник встречается с массой любви
Господь оставляет игрушки
он прячет их, прячет — он хочет живых
живых и влагает в них души

сиди и не рыпайся — просто сиди
молчи — человечество — взрослое
само собой рулит — само собой — ты
едва ли им надобен, Господи

едва ли касается света рука
в оконные стеклорамы
убитые небом плывут облака
плывут и плывут, умирая

из радиостанций из колоколов
игрушечной массы затылков
идёт смс-ка без букв и без слов
в разряженный богом мобильник

* * *

мы спасали горящие избы
шум холмов, занимающий жизнь
лёгкость лёгкость и ты — в этой — жизни
на — дыши

на — люби, на — смотри на всё голое
это кажется, что просто так
это кажется, что одна — комната,
две и больше — молчи — всё

не

так

* * *

сумасводящим дерево в листе
запоминается живое не живое
я состою из дерева, как дверь
и неба и какого-то животного

ты старишься, ты мёрзнешь во дворе
ты хлебом кормишь воробьёв дворовых
не чтобы этим дерево согреть

всё

проще

* * *

О не скудеющее эхо
покоящихся молодых
зверей, касающихся мехом
друг друга — мёртвых и живых

Я состою из губ колен и
глыбы, выправленной в их
касаниях... И ты, болезный...
И ты — тут — с краешку — в люб-
ви

* * *

положенная на колени
и ничего не говоря
ты оставляешь сердце — слева
единственное — что — нельзя
о хрупкий мальчик на пригорке
прогоркляя в глазах звезда
и снег во рту и — фьорды, фьорды
и как бы заново — душа

* * *

Прощай, прощай, большой Ньютон.
При свете дня такое поле
распластывается крестом,
что я тебя совсем не помню...

Не то, чтобы тебя забыл;
не то, чтобы к тебе в оконце
я не заглядывал — но быть
может, я почти что голос

твой отделяю от других;
шепчу какую-то сторонку;
целую в губы, как живых,
твои законы.

* * *

Снег в Господних лесах, словно снег в сентябре,
ночь одна — сумасшедшая, лишняя
чтобы руки горели и снег в них горел
я горю, исчезая, по личному

делу — такому же, как рождество,
то есть чуду — и чуда исходнику
меловая ненужность как женский живот
либо голое тело господнее
Это ветер и в ветре чужая трава
всё, чему есть касание, сходится
До пределов своих и любви торжества
сумасшедшего тела господнего

воздух, свет и покой — никого нет, меня
нет, тебя нет — так плялит огромное
восходящее в руки как тело одна
рука сонм частиц — белое облако

по всему горизонту так быстро что нимб
разгоняется до разговорного
языка не людей, но до всех остальных
языков вне возможности воздуха

Снег в Господних лесах, ветер, стянутый в них
снег и свет и лицо твоё позднее
чтобы руки горели и снег горел в них
я горю, исчезая по осени

* * *

запоминай движение травы
меняй холмы местами или поле
переставляй ты дальше чем ты помнишь

ведь каждое молчание живым
запоминается. идущий путник молча
предощущение и торжество

так выдыхают душу через кожу

но этого не нужно ничего

* * *

обыкновенен воздух на заре
ложится глухота и тело — ноем
весь мир прощён и ты прощён на треть
на это небо но не остальное

на хлеб на ощущение одних
другими — не прощён ты не прощён ты
не хлебом не одними за других

я

понял

* * *

Ни для тебя, ни для меня — всё снег...
В оконце не заглядывай, не хлопай
ресницами... О, как мы стали оба
похожи... Так же смертны... Или — нет?

Мычание, как земляная пыль
возможно — это всё ещё бессрочно
в платке клонится женщина на ощупь
как фильм.

* * *

с неуклонной легкостью ты тут
строишь на балконах облака
ловишь человеческий испуг
за определённые бока

в общем-то неважно, что ты бог
что это — так странно — обладать
чем-то чему нет названья — боль
любовь — слова-слова-слова

этот свет идущий из всех
мест дыханья музыки зимой
летом в поле и его овсе
выдыхай молчание моё

остального нет — ну просто нет
как мне говорить потом с тобой
как я падал или шел о снег
запинаясь мучаясь за — той...

* * *

Мой логопед устал смотреть в окно,
снимать очки и поправлять глаголы;
мой логопед прощает меня, но
прощает меня в будущем. — Как только
ты вырастешь, все будет также — не
надейся, что умрёшь, надейся, что не
умрёшь: все будет тише и страшней -
во тьме по-человечески простое
невыговариванье эр,
не снятые очки во время родов.
Мой милый мальчик, не ходи на смерть,
не жги душ человеческих глаголом,
не выпускай ситуацию из рук;
молчи, молчи, молчи ты ради бога!
Остановись и оглянись — вокруг
земля и небо — ну ты понял...

* * *

Когда твоё деяние смешно
И — тише! — дерева, которое молчало,
Возьми из дома всё, что быть должно
во тьме: фонарик, спички, зажигалку.
Они тебе помогут избежать
Её — не оставляй — её — не в сердце
Снега во тьме ты слышишь как молчат
Как дерево скукоживаясь слепнет
Как шариком окрестности во тьму
Скатываются и так мерцают
Что лучше бы я не сказал ему
О тьме его после её касаний...

* * *

Смеркается земля и сумасшедших ждёт
в развязанных холмах деревьях и округах
есть ближе чем мы есть бедовее бедой
и солонее чем нас из нас воруюем

вот яблочный твой спас вот я перед тобой
во сне мы говорим не буду врать что помню
о чем — нет — я не сплю — я слышу твою боль
подземные холмы мычащие любовью

Ты крошишь белый хлеб — здесь — во дворе — со мной
и времени-то нет кормить их и молчать им
о том, что счастье — спать огромным птичьим сном
как сумасшедшие два выкормыша счастья...

* * *

Бог тебе не расскажет, что он тут есть,
чёрный пакет летает, танцует — о!
Как ты красива на этом фото, где
бы я ни был, что бы ни делал, но

Каждый его, как чудо, чужой полёт,
хрупкий, как ощущение взвеси и
счастья — и эти — слёзы... Не нужно слёз
Бог тебе не расскажет, как делал их

Видишь ли, ведь нельзя сказать, что пройдёт
это предошущение счастья и
Воздуха, без которого эти вот
лёгкие и вся жизнь от них — нет — не
жизнь...

* * *

ночью за хлебом выйдешь — а там пожар
кто-то с кастрюлей барской бежит за той
самой единственной женщиной у костра
самой единственной женщиной на костёр

Что ты забыл здесь мальчик мне нужно спать
мне ли тебе говорить что горит огонь
мне ли тебе говорить что ты здесь распят
мне ли тебе говорить что ты — ого-го

В этом саду мне снится какой-то сон
будто бы лётчик советский читает вслух
письма с земли в запотевшей кабине о
самой единственной женщине или — двух...

* * *

всё ещё любишь меня всё ещё ставишь лайк
медленно ищешь глазами в толпе человека
нет не меня не кого-то конкретного для
одной вещи

я надеваю халат твой подаренный на
новый год — хотя вру — я боюсь надевать его — лёгкость
нерасторжимая не убиенная в нас
тише чем ужас дыхания на твои слёзы

на твои губы, подмышки, в прихожей халат —
высвободившись из неба всегда только небо
стыдно как нужно — забытая богом земля
легче, чем счастье и тем все страшнее, страшнее...

* * *

ОЩУЩЕНИЕ ТОРЖЕСТВА:

как бы Гоголь идёт с мороза
в чей-то дом — в этом доме бога
больше — чем в небесах

я прошу тебя об одном
об одном (там в конюшне лошадь
так молчит что душа не то чем
молчит) — говори со мной

говори со мной — что за смерть
говорения — что за нижний
рай если он не вышний
что за гоголевский здесь смех...

* * *

Выйти в гам нерасторжимо птичий
у тебя осталось 5 секунд
до того, как ты это услышишь,
а не просто шевеленье губ.

Потому что я смотрю на море
и не вижу там тебя тебя:
как в кино, которое немое,
чёрно-белый воздух и вода.

Что ты? Где ты? Что это такое -
Ты не дышишь, но ведь я могу
за двоих дышать, когда их двое -
даже если вышло 5 секунд.

Александр Петрушкин
(Кыштым)

Родился 6 сентября 1972 года в городе Озёрск Челябинской области. Публиковался в журналах «Урал», «Транзит-Урал», «Крещатик», «Уральская новь», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Аврора», «Нева», «Дети Ра», «Воздух», «Знамя», «Зинзивер», «Футурум-Арт», «Волга-21 век», «Волга», «Слово/Word» (США), «Литературный Иерусалим» (Израиль), «Южное сияние» (Одесса, Украина) «Трамвай», «Альтернатива», «Знаки» и др. на сайтах «Text only», «Топос», «Полутона», «Новые облака», в «Антологии современной уральской поэзии: 1997-2003». Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат 1-го фестиваля Литературных объединений уральского региона «Глубина» /2007/. Лауреат литературной премии «ЛитератураРентген» в номинации «Фиксаж» (лучший нестоличный издатель поэзии, 2007). Лауреат премии журнала «Дети Ра» (2008, 2015). Лауреат премии журнала «Зинзивер» (2010, 2015). Лауреат специальной премии «Русский Гулливер» (2014). Куратор проектов культурной программы «Антология». Куратор поэтических фестивалей «Новый транзит» (до 2006 года - Транзит-Урал) и фестиваля нестоличной поэзии им. Виктора Толокнова (с 2006). Куратор независимой поэтической премии «П». Куратор поэтического семинара «Северная зона». Куратор евразийского журнального портала «МЕГАЛИТ» (шорт-лист премии им. П.Бажова в номинации «Польза дела»). С 2005 года живет в г. Кыштым Челябинской области. Член «Союза писателей XXI века» с 2011 года. Член Южнорусского Союза писателей.

ОСТРОВ

Андрею Таврову

Обмелели холмы или мельницы их
свет занёс по окружность зрачков лошадиных –
и лежит в земном мясе, один на троих
холм врастающий в небо на пчёлах недлинных,
и свободно вращаются в нём жернова,
холм крошится в муку, что поднимется к верху
и мерцает, как речи живой голова,
и кроится тоской лошадиной по бегу,
он плывёт, как плоды в животах у реки,
что откроются медленней женщин, не сразу,
потому что глубины его высоки,
да и он уподоблен туннелю и лазу
в этих водах, чьи слайды ложатся к земле
и снимают, как Бога, свои опечатки
что оставлены ими на всяком угле
заштрихованным светом – человеческим и шатким.
Вот и трое растут плоскодонкой-звездой,
именуя своё за трещоткою птичьей,
что уносит не холм коготками в гнездо –
только лошадь и звук от неё неотличный,
а звезда в тёплой птице механизмом шуршит –
то клокочет, то квохчет, то камнем бежит,
кровь тачает, лежит, выцветая
в молоке, что вершится, как амен.
Холм скворчит на ложбине случайной её –
и целует её жеребёнка, как Бог
в лоб и в темень, в прозрачные лица,
что текут изо лба кобылицы.

ПТАШКА

И радость ласточки, и рукава садов,
и слово, что уловлено в садок,
и жженья пятнышко на языке чернильном,
в котором жизнь покажется недлинной,
но спутанной, где нас воды глоток
предождает, ко всему готов,
среди предметов, что поют из линий,

где каменеет бледный Господин
от нас содеянных из радости и льдин,
и сброшенных, как мясо, сожалений –
всё это атом, что обнимет нас,
и понесёт в полёте, через мрак
в каком-нибудь созревшем мандарине,

с женой моей, прозрачными детьми,
которым мы всё зренье возвратим
жестокое, двойное, кем поднимем
свинцовых ласточек мы в разрывной полёт,
где птаха с неба отрывает ход –
срываясь в воздух, что собою пилит,

где в кольцевых, как выдохи, стволах
произнести не успевают «ах»,
но падает почти что без усилий,
кем радостно падение садов –
когда дыхание наше нас не ждёт,
в своём мерцающем атоме мгновенном.

СТЕКЛОТАРА

Сергею Ивкину

Густы бутылки нашего дыханья,
которые – среди осени звеня –
теряют все права на поражение –
в её плавильне точного вина

«Вина их высока – и это право
хранить они устали» – говоря
так – дворники и грузчики устало
салятся справа, плакая в меня.

Я не горжусь своим прекрасным правом
взять на себя за речь свою вину
прямую, как портвейн и – грузчик Ваня
меня глотнёт и в тьму, и в глубину.

С густой бутылки станет он прозрачным
и полетит, как шарик надувной,
туда где вся вина меня лишь значит
и ничего не значит предо мной.

А на причале вглядываясь в наши,
холодные, как кашель, голоса
сгущаются улыбки или чаши,
в левиафана животах галдя.

* * *

С лицом холодным между крыл
и лошадиным ликом
не спрашивай - зачем я был
в твоей земле и дикой

зачем я жаждал речи, и
на рыбе бессловесной
своё дыханье рисовал,
как память о чудесной

твоей невидимой воде,
что между нами всходит,
как раненый слюдой олень,
как на заре уродец,

без серебра и без цены
зачем почти что даром
собою лошадь я поил
с которой рядом падал,

зачем, как бабочки, пруды
дыханья спрятав кокон,
как ангелы вокруг прямы
и крестятся из окон?

* * *

Здесь свет всё заслоняет – даже свет,
который я вписал неосторожно
в круг снега, в стыд свой, в то, чего здесь нет
а если есть – наверняка подложно.

Наверняка причины нет такой,
чтоб длить моё ему принадлежанье
и потому я в нём стою босой,
наколотый на иглы из молчанья.

Из треска додревесного его
я, вынутый рукою деревянной,
теперь лишь света стою одного
и свету заслонённому неравен.

* * *

Сад возьмёт твой след
и пойдёт, как кошка, сквозь тень –

человечек, что спит в середине,
поёт целый день.

День лежит в середине его
и прекрасен внутри,

как ключи, что из скважин
звенят, словно кошки когтями,

и царапками сны
в животах надувных их скрипят,

где следы, как птенцы,
то умрут, то сады воскресят.

* * *

Бессмертник – ксерокопий наблюдатель,
отцвёл и ты, как конская коса
воды, что спит внутри у готовален,
когда внутри её течёт оса,

и чертит волдыри и полукруги
в немыслимом, как смерть, поводыре,
и лошади похожие на дуги
кусают отражения в дыре

твоей, бессмертник, но скорее данник
последних отражений – слепота
бумагу обнимает и светает,
как циркуль неба изнутри ведра.

* * *

Округлый голос голубей
как парус катится сквозь мячик
январский, никому-ничей,
свои края сказав иначе,

чем я его произнесу
холодной мельницей из пота,
в которой птахи на лету
звенят сквозь дерево потолка,

где отражается десант
из веток нищих и прозрачных,
что плаваются в узлах воды,
как бубенцы её двузначны.

* * *

Скрученную ласточкою стужи
[пожалеть бы, зрячего, меня!]
рядом с теплотрассой проезжают
три похожих на стекло коня,

ямы двухсторонние обходят
и, пугаясь цыканья копыт,
ломким льдом сшивают обе доли,
как французы лёгкими иприт.

Постепенный шум, в них начинаясь,
срежет речь их, деревянный мост,
как весло из вида упуская
в ласточке восшедшей на мороз.

* * *

Ты проводишь крота детских губ из земли
до открывшейся в тёмное небо воды –

никого не случается в комнате той,
что с тобой породнилась своей темнотой.

Никого не включаешь, словно ангела свет
белый выключил так – будто ангелов нет,

и сочится пернатая кровь из воды,
поделивши её на гусей и следы.

* * *

Весло на пряжу распуская
ненапряжённо и светло
метёлкою вода взлетает,
высчитывая дна число,

и, выдохнув наружу берег,
как заговор для жабр своих,
внутри её вдвоём смеются
несотворённые мальки.

Плывёт, пузырясь в отраженье
повязок кровавых, душа,
царапая под горлом жженье,
прочтённой галькою шурша –

и, на иные встав просторы,
сужаясь в щепоть облаков,
метла лакает новый воздух,
свернувший времени кулёк.

* * *

Велосипед дождя катается по крышам,
чьи ангелы из спиц нарушены и слышат –
на цыпочках молитв приподняты своими
промокшими людьми, как мякиши живыми.

И ты идёшь во двор с прозрачными ногами –
искать велосипед, шуршащий между нами,
что слышит, как растут антоновка и камни:
как брат или сестра – касаясь животами.

* * *

Где ночь лежала у виска –
зову холодного отца
звездой, молекулой - имён
не выбирая там, как тёрн.

Скрипят здесь атомы, Аид
теряя то меня, то вид,
то хлев нагретый молоком
стекающим, где смерть окном,

как ворон [космос, а не глас]
косится в жизни новый глаз,
встаёт невнятно у виска
канюча люльку у отца.

ГОСУДАРЬ

Пишу, пишу депеши государю
в ладонях у размолотой воды
где – словом лёгким намертво придавлен –
как Лазарь собираю в смерть дары,

и – не дойдя в свету до половины
своей вины – смотрю на письмена,
которые мне почтальён доставил
на псах своих, чья буква видна

на теменной у паровых сугробов,
у шашек дымных птиц или потом –
предождая встречу, как обломок
его империи, что плещется за тьмой.

* * *

Созреет ранет и разбрызжет птицу по ветру,
и вновь соберёт из коллекции местных зеркал –
и лампочку в ней повернёт – и темень в пейзажах разметит,
в дыхания нить часовую обрушив овал

её бесполезного тела – чью пряжу из звука
ранет белый вяжет, как мать свой бугристый живот –
пока свет скрипит в нём повозкою длинной, и чутко
ладони иной стороны в пересвет фотографий кладёт.

где спицы ранета порхают снаружи и в стуже
и птицы всё брызжут, как лодки, в топорной реке –
в кувшинах древесных себя собирают и – глубже
своих отражений – нырнув в задыхания чёрной руке.

* * *

Как недостроенная церковь – дом в снег войдёт,
сметая свет шмелиных лиц в слепой полёт,

края свои или углы внутри неся,
в огнях тройных ломая то, чего нельзя

произнести и пронести, в скорлупке свой
звучит - как будто из полен сложен – прибой

и в окнах тех, где агнец помнит о тебе
среди колец от наших лиц, шмелям теплей,

когда летит вокруг церквами снегопад
и разоряет, как голубка, ничейный ад.

* * *

Воздух сгущается в птицы воронку,
где, покидая смерть и сады,
многоугольный губастый свет вяжет
тощей зимы разрывные снопы

в белые пятна, всплывая отцами
что оплатили слепой листопад,
режущий смерть их надвое серпами.
Милуя малых, щенков и котят –

воздух свергается в пристань и лодки
в плод из слюды бормотания в них
полых стрижей в досоветской пилотке,
в плот, прорастающий бабочки чих,

что в тростнике – от мороза нечётком –
незавершённый даггеротип,
словно душа, покидает иголку,
водоворот двухсторонний разбив.

БОГ

Нет ни меня, ни тьмы
и даже света нет –
а только тонкий глаз.
И в щёлочки просвет

Он смотрит на меня,
а я смотрю в Него,
и кроме наших взглядов
здесь нету никого.

* * *

В срез неба заглянул – а там колодец,
свернувшись, спит высокою водой,

и пахнет шерстью лёд – и свитер носит,
и дышит за звездою неживой.

И смотрит на меня – чужой, обратный,
голодный свет и лижет языком

у мальчика – старик есть и собака
кусает сруб своим кривым плечом,

у языка – порезы и собака,
порезы неба чует тёплым ртом,

у старика спят мальчик и собака,
и он глядит в них, как в хозяев дом.

* * *

Едва ли этот вещный мир – был обращён, как в человека,
в сухую тварь без слова, и моргают птичьи слайды света...

О, бычья радость изнутри, из ноября строгая лодку
меня везёт, а снег гудит, что телеграф – верно это:

я выхожу в простуды двор и горлом становлюсь бутылки,
в которой тварью зарождён, чтоб стало всадников четыре,

и ты моё лице сотрёшь в своём лице, и жажду выльешь
во флягу снега, что суха, которой выживешь и выйдешь.

* * *

Вниз головой растут деревья
неотличимые в деталях,
в порыве или двух от ветра
где холода себя зеркала –

в стволы их прорастает почва,
как влага, листья, мгла и стая –
корою птиц, стрекоз
улова сустав увечный разгибая

по человечьи так, как голос
себя разматывает в эхе,
в окрестность синюю, как полоз
саней в экранном чёрном снеге,

где баржи ос [пока что мёртвых]
скрипят в окраинах недлинных,
клубком зияющим мерцая
внутри у белых комьев глины,

где сны выходят, как деревья,
в ушанке грачьею, на охоту –
палят душой подземной в небо,
врастая в звуки, как в пехоту.

* * *

Где мнимый соловей летел,
как дымный мим среди петель
дверных и точных мертвецов,
всходящих из его вдовцов,
на ловчий и прибрежный свет,
что в зренье муравья продет
и вписан в божий этот март
в собранье тёмное петард,
что разгибают кислород
на дерево и рыбу, мёд
замедленный внутри у них
ключами медными бренчит
и выпускает птицу вверх
из соловьиных дыр, прорех
глазных, и плачет на весу
в силках, похожих на росу.

* * *

За воздухом стеклянным лошадь спит
кузнечиком, прижав к себе звезду,
которая в руках её звенит,
напоминая воды и дуду,
которые вдохнут её сюда
вдоль диафрагмы и лучей округлых,
ладонью слюдяной разжав углы
кузнечика, похожего на губы
и море в этой лошади ревет,
и небо обрывает лепестками,
похожими на шкуру от неё,
чей лабиринт расходится, как камень.

* * *

Что ж счастье есть в домах, где кровотоки –
к себе призвал невидимый сквозняк,
где едешь ты – с вагонами далёк –
и белый смех, упрятанный в санях,
сопровождает в тот поток тебя,
в примерный (даже сказочный) сугроб,
и смерть касается тебя, как живота,
предчувствуя рождение твоё.
Счастливая роженица – ты, смерть,
вот кокон сброшенный лежит уже в снегу,
и мы с тобою, растерявши твердь,
как-будто в хирургическом раю
подслеповато щуримся на свет,
топорщим крылья, учимся слогам,
молчанию, которое в ответ слагает тот,
что подобает нам.

* * *

То склонится вода вертикально,
разъедая земли леденец,
то окажется воздух летальным
и оставит на жабрах рубец
у меня, выходящего долго
из собрания плотных колец
годовых, перечёркнутых кроной
и детьми, что купаются ей.
И останется только природа
недопонятой этой воды,
что насквозь вытекает из лёгких
разрывных, что от счастья легки.

* * *

Действительно казалось: без усилий
нас произносит этот внятный холод,

который мы с тобой в детей вложили,
где агнец цел и лишь подклад отпорот,

где отраженье падает и длится
в свою воронку, в тот вагон, что справа –

чтоб не запомнить богу наши лица,
как дым – скребёт и псовая облава.

И конь вставал и, удлиняя губы,
сосал своё лицо и, убывая,

он доходил, что здесь всего четыре
глотка до нам невидимого рая,

И сосны серебрились, словно иней,
в губах у ос последним урожаем,

положенным, как мертвецы средь тёток
и проводниц, к которым уезжаем.

Действительно, казалось, что возможно
остановиться и чесать за ухом

собаку, не успевшую за Богом
в четыре [ночи или дня] проснуться.

ПРОБЕЛЫ

От страха замирая до пробела,
до детства [в снега белой голове
мерцающего, где его задела]
крылом из воробиных прутьев сфера
щекочет чёрный холод изнутри
бессмертия, с которым не сумела
тропы и тропа общего найти.

И от того так катится в сугробе
[почти, как в мамке] чёрно-белый мяч
вслед голосу, который слишком громко
уносится от тела – будто грач
по негатива [свет надкусан] кромке –
похожий на чеширского ловкач-
вийон ложится в гроб, где свет и стужа
срифмованы до темноты. [Поплачь].

Поплачь, я говорю, как на исходе
любая рифма рушится вконец,
а сфера входит в кадр, как будто восходы
осмыслены и, приподнявший дно,
мерцающий сквозь зевы георгинов
чудовищных – ещё в одно окно
нам сообщит, что детство не невинно –
скорее с нашей смертью заодно.

ТЫДЫМСКИЙ НОЙ

Венчая Пана с местной мошкаррой,
помашет пруд воздушною рукой,
перебирая анальгины нервно.
Чем запалился [?] перед нами он,
стоящий перемазанным мукой,
с канальей дождевой и прочей скверной

компанией из женских тополей,
лакающих [как псы] своих ветвей
окрошку пуховую в отраженье,
где лошадь, проходящая сквозь твердь,
разносит бубенцы [как будто смерть
своё уже признала пораженье]

и лепит из снежков своих копыт
тех, кто до рождества в воде укрыт –
пока не взрезана в крещение пилою
она – и чертит круг над полыньёй,
и человека ищет [под корой
своею] пруд немеющей рукою.

И лошадь разминает позвонки
дыша над тёмным видом – далеки
извилины воды [задышанной и тесной],
и тихий плотник или местный Ной
идёт по воздуху со всей своей семьей
под мошкарою снега занебесной,

несёт свой род, как сосны, издали.
И отрывает лошадь лепестки своих
голяшек, чтоб семье ответить,
приветствуя освобожденье вод
и только бубенцы всё наперёд
молчат и знают, и звенят беспечно.

* * *

Елене Зейферт

Где древа дирижабль преодолеет смерть
и почву, как прилог, и белое молчанье,
чьи соты и поклёп перегибают сеть
воды, из рыжих ос ворующей дыханье,

у дерева внутри, там, где зиянье птиц
спиральный лабиринт распустит в листопада
ракушку, что бежит в глаголице корней,
как побережье и/или причина сада.

Неосторожный сад в её волне растёт
и омуты, как нить, в свои вдевает жабры,
где кровь, как сом, в сетчатке у ангела плывёт
и ищет, словно звука, обёрнутой им жажды.

Наталья Черных
(Озерск, Москва)

Родилась 5 декабря 1969 года в Челябинск-65 (ныне Озёрск), училась во Львове, с 1987 года живёт в Москве и Московской области. Работала библиотекарем в Литературном институте, уборщицей, учителем литературы, переводчиком и др. Публиковала стихи и малую прозу с 1993 года в альманахах «Вавилон» и «Окрестности», журналах «Новый мир», «Воздух», «Волга», «Союз Писателей», газете «Русская мысль», антологии «Девять измерений» и др. Первая книга стихов вышла в 1996 году. С 1999 г. выступает также с эссе о классиках русской литературы и современных русских поэтах. С 2005 года куратор интернет-проекта «На Середине Мира», посвящённого современной русской поэзии.

ВОРОН КАИН

Так рождается в позвоночнике вырубленный лес,
так приходят мощи на престол.
В паутине самых разных неразобранных чудес -
детский, купленный для рисованья стол.

Я спросить хочу — вы любите детей,
когда много их орёт по очереди, что перед вами.
А меня по имени давно не звали — чей
я утопленный в окраинном колодце камень.

Но случается, что камень подойдёт и скажет: здравствуй!
Не ударит — а зачем; нет, не ударит камень.
Что за бред: взгляни в стекло, умойся не злорадствуй.
Кто здесь — слышу. Ворон. Ворон Каин.

ПЕСЕНКА

кто она — да твой палач,
так её и вижу.
ножны для серпа, не клатч,
ласка кровью лижет.

Ведь палач бывает добр,
мгновенно убивает.
Горе видит, ходит бобр,
сумка — открывает.

ТУРИСТИЧЕСКАЯ СКАЗКА

заяц белый, зимний заяц,
туристическая сказка.

За кольцо держался палец,
вот всему завязка.

Заяц и кольцо — а как же:
вдоль, к метро, скорее.

Палец копотью и сажей
вёл по батарее.

Хоть кольцо — а как иначе
тело грусти спрятать?

Чтобы ждать звонка, скрутившись,
чтобы ждать и стряпать?

Заяц скачет, а ходил бы -
не боялся б ночи.

Зайца уши – обе рыбы,
и стряпни не хочет.

СОН В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

(Детство Титании)

ПЕРВАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Усни, усни — снежком зима явилась
и смерть, её сестра, стучит в окно.
Усни как можешь; смерть — и та забылась,
здесь новый год и так вокруг темно!
Кот не грустит, не ссорятся собаки,
озябла мышь в террасе на углу.
Где песенки твои простые — знаки,
нашедшие бумажную золу,
и где одежда старая на стуле,
и что лепечет позабытый лист -
не всё ль равно; свечу уже задули,
а в темноте ты радостен и чист.
Ты лёгок, лёгок, ангел серебристый,
так сух и тонок, сбросив все труды,
и будто в мире — ни единой искры,
и для тебя ни капли нет воды.
Склонившись осторожней ювелира
над совершенной филигранью сна
ты видишь, как в наивнейшей сатире
глядят из лужи радость и весна.
Так школьники укладывают локти
в глубоком сне, в невинном сне твоём.
Что день, что тело — волосы и ногти.
Летят миры как капли в водоём.
Усни, печальник мой. Сладка дорога,
нет на пути ни жажды, ни труда.
над крышею твоей как око Бога
горит ночами мирная звезда.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ С ВЕРЕСКОМ

Петь колыбельные так сладко и легко!
Вздремнула мысль. Слова текут несвязно,
да невесть что кормилица болтает
о снах и грёзах. Слушай, расскажу.
Есть сны, в которые заходишь сердцем,
как в детскую, оттуда, из столетий,
хоть не было ни детской, ни столетий,
ни девочки, прекраснейшей из всех.
Но в снах живут и детская, и фея,
и дерево, украшенное ярко,
и светлое преддверье торжества.
Расположись удобнее и слушай.
Кто спит во снах? Дома — и те вздыхают,
их сон — не сон, а только ожиданье.
Есть сны, подобные вагонам: он идёт,
он длится, он влечёт: ни жар, ни холод
его не остановят, он влечёт
на место, что ты некогда покинул.
Взглянув вокруг на всех, кого достоин
(вокруг нас те, кого достойны мы),
на острые безрадостные лица,
несвежую одежду, злые ногти.
В окно вагона видишь отчий дом.
Нет, близких и родных сырые очи
не отвратительны. Любовь не смотрит в рот,
омыть их души — лучшая забота.
Но жизнь идёт, и сон пока идёт,
не возвращается к немилому предмету,
с нелюбящим своих не делит тайн.

К чему возврат, когда в житействе время
могущественнее денег и молвы.
Над временем восходит колесо
и в ночь весеннюю становится над кровлей.
То колесо лишь раз перевернётся,
и Ангелы Уранию с Фортуной,
рабынь покорных, приведут к Судьбе,
а та нескорый приговор подпишет,
и приведёт к престолу Провиденья.
Есть сны — весенний луг, намоченный дождём.
Вот снег сошёл, и невозможно видеть
засохший вереск, варежки ракиты.
Тогда приходит счастье пробужденья.
Сверкают слёзы — так прекрасен мир.
Тогда и слышишь, как вода в земле,
в тебе божественная ходит сила,
а там где сила — обитает радость.
Тогда беспечность не безумна, а мила,
тогда и спать не надо — только грёзы
чуть по краям, и зеркало несут.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ТЕЗЕЮ

Ты знаешь ли, дитя Тезей, какие звёзды
гуляют в сумерках (они цветные львята)
по стылой пустоте, и звук латунный
смягчается — смеётся, не рыдает.

Ты знаешь ли, как саранчи вагоны
на стылой станции в преддверии весны
заводят песнь — счастливым долгим звуком,
который лишь к тебе бывает обращён?

А мёрзлые седые колокольцы
становятся прозрачнее обмана,
никто из нимф или наяд не смеет
к ним близко подойти — ни фавн, ни ослик.

Тезей, Тезей! Ни звёзд цветное пенье,
ни даже свет не могут нас распутать,
мы таем паутиной в октябре.
Но есть один прекрасный дух — его ты слушай.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ФЕИ

Вот и здоров; так плакать безутешно
не всякий может, грустное сердечко.
Ты засыпай — смотреть и слушать трудно,
а в снах всё легче и светлей, хоть сумрак.
Что сны — они приходят словно эльфы —
прекрасны и несчастны их черты,
они в нагретой плоти вызывают запах,
вином немного и немного серой.
Уснувший — вот так ты — всё думает, что сны
подобны плоти. Что недостаёт ему
обычной спящей плоти. А смотри-ка — в ней
личинки сливочные, мухи из нефрита
играют в прятки и друг друга дразнят.
Покуда ночь растёт, и с ней луна,
лишь палочку Гермеса к ней приставить
и будет эр, покуда ночь растёт -
Геката, пред очами кроткой Девы
обходит спящих. А за ней Арес
в рубашке рыжей — жёлтой или алой,
и галстуком узорчатым спешит.

Он грозный бог, а ночью как любовник,
поверивши словам хромого дядьки,
крадётся к ложу трепетной любви.
Но старше и жесточе Афродита.
Она виденья счастья насылает,
и вот, несчастный ими упоён,
и пьян совсем, и нежится, и тает,
а красота в мерцающем плаще,
божественным израненная тёрном,
идёт к другому милому. Что ей?
Изранит сердце, выбросит сандалии
и возвратится — судьбам суд вершить.
Я слышала, богиня справедлива.
Она перед очами кроткой Девы
утешит стариков и нелюбимых,
подаст питьё, лекарства, притиранья.
Но горе тем, кому дары — игра,
измены Афродита не прощает.
К полуночи Арес приходит в ярость,
он рвёт свой плащ, рубаху и платок,
нагой и мрачный грозно наступает,
ревнуя к смертным нежную супругу.
Тогда Гермес — то юный он, то старый,
то будто солнце в знаке Близначев,
то кроткий и послушный в знаке Девы,
зовёт из бездн седого Посейдона.
Царю богов смотреть на них — забава.
Он, юношей одетый смуглым, путник,
идёт по городу ночному. Здесь он плут,
а там герой и даже честный малый,
два чудных камня светятся на шее:

один гранат, другой агат молочный.
Тих Посейдон, его следов не видно,
он сед, опутан нитями гниенья,
он полон рыбной кости, он жесток,
он будто мать — весь мир в его объятьях.
Как он велик! Что стаи облаков,
творящих на мгновенье чудо-страны,
что скорбь земли: глаза целуя Геи
седой старик пучину ей готовит,
и вдруг — ушёл. Мир без воды лежит.
Ты с криком на губах проснулся, гулкий
услышав ход богов. Уже петух пропел,
Геката на ущербе, стала тощей,
и денег нет, и волосы редуют -
всё невдомёк и зря, но потерпи.
Терпенье ведь сильнее униженья,
хотя порой терпенье унижает.
И часа не прошло — взошёл Зевес,
чело великое открыв богам и Паркам.
Он возвратился из полночных странствий,
он крепкою рукой торопит Аполлона,
тревожа и сестру его девицу,
а те спешат, скрепив сердца от скорби,
исполненные крови первородства,
вернуться из причудливых видений
иных, нам не являемых, миров -
для солнца, утомленья и болезней
(ты знаешь, что болеют даже боги).
А тонкая бессонница твоя
умыта розовой водой богини.

Всё это будет. А пока что спи.
Мышей клубком — и серых, и летучих,
Крадётся Гипнос в детских птичьих туфлях,
и с ним — рой пёстрых рук и пёстрых лиц.

УДАЙПУР

(ровеснику музыканту)

О смерти – и, тем не менее, всё же о смерти.
Больше не о чем.

посвящаю стихи...
находишься там, где могла быть...
так восполняется всё, что потеряно.

Пропасть их, волосатых, уходит.
В деревню, в Прагу, оставив своё ремесло пионеру,
в Удайпур.

Багира и Рикки-Тикии-Тави.
Оба напоминают тебя.
Лучше о Киплинге.

...чем о проклятом всеми
отечественном рок-н-ролле...

вызываешь очаровательный ад
голосом квакающим, балдёжным, невыносимым,
по кайфу, всё равно ты гитару берёшь,
оволосатевшая урла, а кто были,
до этого лета, когда нас впервые вписали в систему
Ад рок-н-ролла; с пустыми вагонами,
замёрзшей трескою, таскаемой бледным поэтом,
первым снегом – какой в ноябре в Ленинграде –
первым снегом. Этот виниловый, лазерный ад
не расступится...

но мы не мелки. Мы ещё велики, велики
этому Питеру, этой системе, литературе и сцене,
так что жги, я послушаю.

Смерть похожа порой на Удайпур.
Так что лучше о смерти и Киплинге.

...ни одного из твоих выступлений,
и стихов моих не прочитал.
Но незнание друг друга в лицо — перед смертью всё мелочи.

...нынче на чемоданах...
Возможно, просьба моя рождена торопливостью.

Но смерть накрывает неслышно,
кладя голову в Удайпур.
Тогда в груди сухо: ни ада, ни рая.

Вспомнив жестокий винил и нейлоновый звук
опеденевшей струны между закрытым Сайгоном
и тощим Гастритом,
ад возвращается к жизни.
Мы приход наизнанку: то не отходянок;
мы архивные записи Бога.

Я умерла в двадцать пять,
двадцать лет нет покоя на новой земле.

ВОРОН И ЖАВОРОНОК

Что тебе, душа, важней: церковный поцелуй,
жалость ли древесная лесная.
Сумрак ходит меж патальных струй,
старенькие липы нагинаят.
Золото по древу — всё моё,
было да ушло. Куда за ним вдогонку.
Мне в любовь и молодое воронье,
как небесны письма к жаворонку.

**Александр Шубин
(Озерск)**

Родился в 7 февраля 1952 года в Челябинске-40 (ныне Озёрск) Челябинской области. Учился в Южно-Уральском колледже, ЧПИ. УПИ. Работал в ПО «Маяк», ООО «Бур-Инвест» (инженер-энергетик), Кыштымском филиале ООО «Уральское Страхование Общество» и др. Член Союза Писателей России с 1998 года. Автор стихотворных сборников «На юру», «Чаруса» Южно-Уральского книжного издательства. Печатался в «Антологии поэзии закрытых городов», журнале «День и ночь», альманахе «Литературные окна» (Ганновер, ФРГ), в журнале «Новая реальность».

ЧЕРНОЗЁМ

Виктору Коврижных

Темна и голодна дернина дней созревших:
им отданы миров огни и голоса,
и времена, где ты, застыв, остался прежним
на тверди, что не раз меняла полюса.

И жизнь моя — в прирост, в исподник травостоя,
где память бытия — всеобщий кровоток,
таинственный замес, творящий всё живое.
Как щедро в нём разлит божественный желток!

Став притчею веков — мы у порога дома,
Где ал-раскаян лист к отечеству припал.
И первый снег — простак и простоты потомок —
Скатёркой тишины весь белый свет убрал.

Мы — горняя капель, живущая полётом,
с дарующей руки берущая взаём
мгновенный облик лиц и душу как работу,
которую так ждёт небесный чернозём.

СЛОВО

Ярился под ярмом бесправия, бессилия
и душу, как дитя из пекла выносил.
И каждый божий день мне даровал не крылья,
но слово — лишь оно мне и давало сил
жить по крестьянской вере и традиции,
жить каждый день взахлёб — накоротке
с космической иронией провинции
и умирать — на русском языке.

* * *

Тонкий лёд прогибается с треском,
сплох молний под тяжестью шага:
по-над водами с верою детской,
по-над страхом — с недетской отвагой.

Так и помню морозное чудо,
улыбаясь и на небо глядя,
даже, если целую иуду,
что жуёт втихомолку проклятья.

С этой верою так и шагаю -
век страстной прогибается с треском.
Не умею втихую — по краю:
по-над бездною — с силою крестной.

По гранитам родимого дома,
что мне кровью отцовой завещан
и, что рвёт на куски по живому
набегающей гибельной трещиной.

ВСТРЕЧА

Обездвиженная жилистым морозом,
ожеледью лунных полуснов
оживает мартовская проза,
отмыкает куренной засов.

По целинному – целованному солнцем –
речь российская, заладаясь напрямки,
растерявшимся иногородцем
вызнаёт родные закутки.

Солнечное плавит человечье,
и — кошачьим вербным байстрюком
я — мыча, мяуча — к ней навстречу,
перекатывая «ять» под языком,

словно проливное горловое,
горевое празднество души
оправдает краткое живое
на изломе временной межи.

* * *

Ещё до смерти музыканта
его душа гостит в раю,
и ей поют все птицы сада,
приняв по праву за свою.

А музыкант сидит бездумный
в прихожей ада – в кабаке,
упёршись взором, как безумный
в содом теней на потолке.

Худые выцветшие руки
бессмысленно лежат ничком,
как отслужившие в прислуге
товарки в дрёме, под хмельком.

И – за мгновение до краха,
земным на грош не дорожа,
он слышит сквозь припадок страха,
что возвращается душа:

какой-то простенький мотивчик,
полнейший вздор, шестнадцать нот –
но оживает он, счастливчик!
И – подпевая ей – соврёт.

* * *

Свинцовых ос излётною работой
посечена берёзовая бязь –
берёзовая жизнь на ранах запеклась,
упрятав боль под чёрные разводы.

А с бруствера калёный лейтенант
перед братвой солдатскою с бравადой
мишень щекочет трелью автоматной,
тщась придушить оживший вдруг приклад:

отдача собирает свой оброк –
стрелок, оружие, перерождаясь в глину,
вливаются в объятия дернины,
их ждущую и знающую срок.

Благословленная таким исходом,
глаза попряча в рукава, пехота
кругами по воде расходится по свету,
с той тишиной в крови, что больше, чем победа.

МАМЕДОВ И КИСЛОРОД

Не продали в оперу билета.
– Дайте оперу! – Мамедов наш ревет.
Без неё – как лампочка без света –
он душой остынет и помрёт.

Мы живём в Челябине цинкоглавой –
в перегарах преисподних труб:
поутру встаёт, как из канавы
обескислороженный мой труп.

Китаянки, что у нас пригреты
в общежитском подполе – улёт.
Я кричу: – Пошли в подвал, Мамедов!
Он меня не слышит. Он – поёт.

Басом и фальцетом рай рисует.
И всё ярче светится народ,
словно – упомянутый не всуе –
с неба улыбнулся Кислород.

РЕМЕСЛО

*«К месту, откуда реки текут,
они возвращаются, чтобы опять течь»*
Экклесиаст

Свет стылого окна да песнь осенней мухи
благословляют на привычный труд:
из рухляди, что за пятак сдают,
как свой истлевший век приходские старухи

ты мир изысканный воссоздаёшь, как маг.
За шагом – шаг, за часом – час, годами
металл и воск, и дерево, и камень
идут через кураж, терпенье и верстак.

«Пустьяк!» – решаешь ты, потешив глаз игрушкой –
последнею своей работой – из клетушки
на божий званный свет хромая кое-как.

И, глядя лист куста багровый – не срывая,
так и заснёшь над ним, чуть слышно повторяя:
«Возьми, Господь, старьё — прими, вот — за пятак».

КОСМОНАВТИКА

– Так, из света сгущаясь, восходит росток
и, земным отболев, на небесном лепечет:
ведь не вечен – по-божески хил потолок,
а смиреннейший причт протопопу – перечит.

И поэтому неотлогаем черёд
и обратный отсчёт каждой сжеженной вещи.
Эта звёздная ночь, словно наш огород –
твой приход обожая, безмолвно трепещет...

– Деда, проще! Скажи, папка в небе – живой?
Как тогда – в первый раз – телевизор покажет?

– Будем ждать, что такие поступят в продажу,
чтобы знать, как, шагнув за барьер световой,
твой папаня оттуда нам машет рукой,
мол, по меркам земным там – не страшно.

* * *

В толчее снегопада –
под его ли живой шепоток
засветилась в душе онемелой отрада,
словно долгую-долгую ночь перемог.

Будто всё, чем томилась душа – отлетело.
И нелепостью мнятся вчерашние страхи.
И не снег холодит мне виски то и дело –
материнских ладоней две тихие птахи.

Или ангел сошёл и, невидимый мною,
правит мир кривизны проливной белизною.

ОЗЕРО

Плыть во сне исповедальном –
в тёмном озере лесном –
растворяя тайну в тайном
зазеркалье приписном.

Плыть вдоль дышащей границы
подноготной и небес,
где проблескивают лица
тех, чьей верою воскрес.

Плыть – парить, раскинув руки
над подводною тайгой,
невесомо, без натуги,
тенью облачно-нагой..

Плыть, впивая всюю плотью
свет с истоком вдалеке,
привыкая вновь к свободе
и полёту налегке.

ИМЯ

В стране чиновничьей фамилии,
где разум праведный смешон,
ты хоть пляши под камарилью,
а будешь имени лишён.

В гордыне ли вопишь с коленей,
молчком ли душишь свой санскрит,
тебя – наследника Вселенной –
контора под сукном сгноит.

Твоя свобода – пить в охотку
слезой разбавленную водку
вдвоём с невыплаканной вслух

душой, похожей на старуху,
что не даёт упасть в поруху
эпохи воровских кликух.

* * *

Осеннего дождя глухие перегоны.
Трепещет на ветру оконное стекло.
Оголена моих печалей крона –
надежд цветистых время истекло.

Открылся мир и видится, как есть:
голгофы городов, небесные трясины.
Крылатый крест, как истинная весть
парит в голубизне над избами в низине.

Из глубины воздушного прогала
падучих звёзд пронзительная прель
весь этот мир подённый пропитала,
как одиночества вселенского свирель.

ОЗЁРНАЯ (*ОЗЁРСКАЯ) ШКОЛА ПОЭЗИИ

Несколько замечаний к названию

ПЕРЕПРАВА

Ночь. Переправа в преисподнюю –
По воле полковой-господней –
Земную ненависть нести,
зажав её, как смерть в горсти.

Ночь. Но приходит вечно эта
весна в распутице рассвета,
где тают, словно снег в округе
свои, чужие в смертной туге
в траву беспамятства врасти.
Друг другу говорят: – Прости!

Но не стоят войны колёса.
Иду я к Господу с вопросом:
— Зачем – не жив и не убит –
среди людей Тобой забыт?
Зачем, как памятка живая
я, стон зубами зажимая,
как проклят – помню, говорю?
И в давний бой иду сегодня,
и – бесконечно повторяю?

Ночь. Переправа в преисподнюю,
где снова заживо горю.

Несомненно, объединяет треугольник детства: Озёрск (бывший Челябинск-65), Кыштым (Петрушкин называет его Тыдымом) и Касли. Моя семья уехала из Озёрская (мать и отец работали на х/к «Маяк») довольно рано. Евгения Изварина живёт в Екатеринбурге (хотя для меня всё равно – в Свердловске). И однако объединяет ландшафт: прибрежная полоса озера, мягкие очертания гор, высокий кустарник и довольно низкие деревья. Иртяш (озеро) является природной рамой для стиха.

Сколько бы не соглашалась с доводами, что в очертании английских и уральских озёр не так много сходства, оно есть по существу: прибрежная озёрная полоса. Почти совершенные границы Иртяша провоцируют, вызывают поэзию.

У Битова был человек в пейзаже, но это проза. Идея человека как части пейзажа не новая, и Вордсворт, полагаю, согласился бы, что не новая. Поэты Озёрской/Озёрной школы привнесли то, что можно назвать инженерностью. Инженерия – не только рацию, следование схеме, принципам и условиям (будь то укоренённый в сознании образ русского стиха или вдохновенные строки Геннадия Айги). Инженерия – прежде всего интуиция; не покинув пределы прежней схемы – новой не открыть. У всех поэтов – несомненная тяга к корням (консерватизм), но эти корни (что заметно и по стихам Дм. Машарыгина, и по стихам Натальи Косолаповой) футуристические и хлебниковские. Маяковский, разделявший означенные выше взгляды, отрицал современную ему форму религии (четыре «не»). Авторы Озёрной школы религиозны, но это религиозность, осознающая своё поражение.

Природа для поэтов Озёрной школы не чистое перво-явление, каким его считал Вордсворт, а плод гениальной инженерии (и тут переключка с англичанами), это делание - возделование. Стихи поэтов Озёрной школы вместе интеллектуальны и дики. Это мыслящий консерватизм, с потенциалом к развитию и модернизации форм. Что видно по стихам (особенно Александра Петрушкина). Присутствуют малые формы, почти чистый концептуализм (я бы сказала даже – лирический концепт) Натальи Косолаповой. Присутствует сверхтрадиционность (у Дмитрия Машарыгина), напоминающая об опытах футуриста Дмитрия Спасского, младшего соратника Бурлюка.

Место рождает отношения, отношения и манера говорить неразрывно связаны. Поэты Озёрской/Озёрной школы вышли из озера почти идеальной формы и распространяют свою сеть по всей суше.

Наталья Черных

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «ГЕОЛОГИЯ»**

**Русская озёрная поэтическая школа:
Касли - Озёрск - Кыштым
АНТОЛОГИЯ**

АВТОРЫ:

Александр Волынцев /Озёрск/
Маргарита Ерёменко /Касли-Озёрск/
Евгения Изварина /Озёрск-Екатеринбург/
Наталья Косолапова /Кыштым/
Дмитрий Машарьгин /Озёрск-Челябинск/
Александр Петрушкин /Озёрск-Челябинск-Кыштым/
Наталья Черных /Озёрск - Москва/
Александр Шубин /Озёрск/

**Автор проекта, составитель редактор серии
А.А. Петрушкин**

**www.lulu.com
www.promegalit.ru**

Подписано в печать 18.03.2016 г.
Формат: 148x148 1/16
Тираж: 400 экз.